

Крещение Руси и эсхатологические концепции православия: от равноапостольного князя Владимира до наших дней

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультет «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, *krugh@yandex.ru*

В статье описаны эсхатологические представления древней Руси и показано, как тема Страшного Суда, затронутая в беседе киевского князя Владимира с греческим философом, оказалась решающей для принятия им христианского вероучения.

Ключевые слова: эсхатология, памятники письменности, древнерусская литература, Страшный суд, древнерусский Синодик.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Крещение Руси и эсхатологические концепции православия: от равноапостольного князя Владимира до наших дней [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020402

For citation:

Dergacheva I.V. Christianization of Rus' and the eschatological concept of orthodoxy from Prince Vladimir to the present day [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2015, vol. 2, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020402

Принятие киевским князем Владимиром Святославичем в 988 г. христианства в форме греческого православия явилось причиной стремительного расцвета культуры Древней Руси. К концу X века Русь со своим языческим пантеоном, окруженная с запада и юга христианскими государствами, не имевшая собственной письменности и литературы, оказалась в культурной и политической изоляции. Принятие христианства на Руси явилось чрезвычайно важным историческим и культурным событием, которое включило отсталое языческое государство в единый общеевропейский процесс развития и определило всю его последующую историю. Подробные сведения о ранних этапах и формах христианизации Руси сохранились в одном из ценнейших исторических документов, составленных на древнерусском языке на территории Киевского государства, — «Повести временных лет», созданной в начале XII века и представляющей собой многослойный текст нескольких редакций.

Основы христианского учения попали на Русь через переводы с древнегреческого языка на церковнославянский главных догматических текстов — Священного Писания и Предания:

Дергачева И.В.
Крещение Руси и эсхатологические концепции
православия: от равноапостольного князя Владимира
до наших дней
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 4. С. 14–21.
doi: 10.17759/langt.2015020402

Dergacheva I.V.
Christianization of Rus' and the
eschatological concept of orthodoxy from
Prince Vladimir to the present day
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 4, pp. 14–21.
doi: 10.17759/langt.2015020402

Евангелий, Псалтыри, посланий апостолов церкви, фрагментов учения и толкований библейской истории отцов церкви.

Культура Древней Руси, главным образом, ее литература и искусство расцвели на религиозно-философской почве христианства. Древнерусская философская мысль и литература создали своеобразное национальное преломление, творческую интерпретацию общехристианских представлений о мире и человеке, об их конечных судьбах и воздаянии в «конце всех времен». Многочисленные исторические катаклизмы Древней Руси обострили интерес ее интеллектуальной элиты к проблемам смерти, перехода в «иной мир», ожидания Страшного суда. Особое драматическое напряжение получила теория божественного гнева за грехи человеческие, теория наказания каждого за греховность всего человечества. Для изображения гнева божьего, явленного человеку через глобальные природные и социальные катаклизмы, древнерусский книжник часто использовал описания событий русской истории: вражеские набеги, разорения и гибель городов, междоусобные и братоубийственные войны, голод, неурожай — т.е. все те страшные картины разрушения и хаоса, которыми насыщены страницы русских летописей, житий, сказаний, военных повестей и многих других литературных текстов и документов.

Особый вид богослужбной книги стал древнерусский Синодик — сборник, содержащий правила поминовения и перечни усопших. Первоначально он представлял собой переведенный с греческого языка «Чин православия» (составленный в Византии после победы над иконоборчеством в середине IX века); но на древнерусской почве превратился в самостоятельную, сложную по составу книгу, включающую, помимо привычных поминальных текстов, размышления о состоянии человеческой души после разлучения ее с телом.

Эсхатология христианства исходит из того, что земные страдания Христа, его распятие на кресте, смерть, вознесение на небо и воскресение по-новому организуют идею личного спасения человека [7, с. 589-595]. У человека появляется шанс на бессмертие. Но само бессмертие уже понимается не как бесконечная физическая жизнь, не как жизнь души в теле, а как бесконечная жизнь в ином состоянии, не физическом, в небесном царстве (в раю). Снимается многотысячелетнее противоречие живого и мертвого (смерть не прекращает жизнь), но возникает новая оппозиция — духовного и материального. Материальная жизнь всегда конечна, духовная — может стать вечной. Судьба бессмертия в руках самого человека, в грехах и добродетели его земной жизни. Отсчет времени, отпущенного человеку для спасения или смерти (понимаемой как вечное духовное страдание, мучение в аду), начался с приходом Иисуса Христа. А завершится — вторым пришествием Мессии, когда на Страшном суде каждый человек получит окончательное воздаяние за прожитую жизнь.

Особенность древнерусской эсхатологии заключалась, прежде всего, в ее интересе к индивидуальной человеческой судьбе, к жизни, смерти и спасению конкретной личности. Человек для древнерусского мыслителя становился фокусом, через который, как через увеличительное стекло, лучше просматривается вселенная. Представления древнерусского книжника о человеке и его месте в мире, а также авторское самосознание средневековой Руси описаны в ставших классическими работах Д.С. Лихачева [4] и Е.Л. Конявской [3]. Через отдельного, но обладающего особыми *ДУХОВНЫМИ* качествами героя, через его подвиг *индивидуального* спасения становится возможным спасение всего человечества, всего мира. Чем больше индивидуальных подвигов, тем больше шансов у мира избежать окончательной гибели.

Особый смысл виделся в жизни и поступках людей, облеченных властью. Древнерусские книжники на протяжении многих веков спорили о природе царской власти, о ее соотношении с

божественной волей, ее ответственности и особой роли в спасении народа от «гнева божьего». Как должен жить князь, чтобы царство его не было разрушено, а его народ счастлив на земле и в будущей жизни? Эта тема уже с раннего периода образования древнерусской народности, с самого начала национальной и личностной самоидентификации, становится стержнеобразующей для всей русской культуры и впоследствии увлекает за собой историю, живопись, архитектуру и литературу.

Первой русской княгиней, принявшей христианство, стала Ольга, вдова князя Игоря, погибшего от рук языческого племени древлян. Произошло это событие в византийской столице Царьграде, где «крести ю царь с патреархомъ». Когда «просвещена же бывши», Ольга «радовашеся душою и теломъ». С крещением она приняла в себя новое знание: «възлюби светъ, а тму остави»; на церковной службе «поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья». Суть нового ученья состояла в молитве и посте, в милосердии и «въздержаньи тела чиста». Ольга была готова к смирению и испытаниям.

Провожая Ольгу в обратный путь на Русь, константинопольский патриарх напутствовал ее, используя библейские параллели, что отныне Бог будет хранить ее, как «схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезе, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисея от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от зверий, тако и тя избавить от неприязни и от сетей его».

Ольга и до крещения была «добра суца зело лицемъ и смыслена», но через крещение обрела новое качество своей внешней красоты — духовное совершенство и «библейскую» мудрость. Летописец подчеркнул, что бывает мудрость человеческая, но в крещении к ней добавляется Божия: «также и си блаженная Ольга искаше доброе мудрости Божья, но она человечески». Поэтому она сравнивается с царицей Эфиопской (Савской)¹, «слышати хотящи премудрости Соломани» (царя Соломона).

Да и нарекли ее в крещении Еленой, «якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина» (византийская царица Елена в начале IV в. «обрела» Крест, на котором был когда-то распят Христос; подобно ей русская княгиня Ольга «приняла» крещение).

Перед смертью «заповедала Ольга не творити трызны над собою». «Бе бо имущи презвутерь, сеи похорони блаженую Ольгу». Эта первая христианка-княгиня в русской земле была предвозвестницей христианства на Руси, «аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ светомъ. Си бо съяше аки луна в нощи, тако и си в неверныхъ человецехъ светящися, аки бисерь в кале». Были русские люди «кальни» в грехах своих, «неомовени крещеньемъ святымъ», но Ольга своим поступком открыла им путь к спасению, «омыся купелью святою, и совлечеса греховныя одежа ветхаго человека Адама, и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христось». Поэтому «*си первое вниде в царство небесное от Руси*², сию бо хвалят рустие сынове аки началницу: ибо по смерти моляше Бога за Русь. *Праведныхъ бо душа не умирают... бесъсмертье бо есть память его*» [5, с.82].

Эту возвышенно-риторическую похвалу, используя многочисленные библейские аллюзии, летописец посвятил Ольге; в ней он нашел внутреннюю христианскую красоту и благородство. В судьбе Ольги наметилось также и одно из ранних древнерусских представлений о спасении души — через крещение и добродетельность жития, уже за это русская княгиня, по мнению летописца, достойна вечной жизни. Останки Ольги, очевидно, прославились нетленностью. В «Похвале княгине Ольге» летописец сообщает: «Се бо вси

¹ Однако сравнение Ольги с царицей Савской имеет и другой смысл: помимо аналогии, оно содержит противопоставление. Царица Савская искала человеческой мудрости (царя Соломона), а Ольга — божественной, «внечеловеческой», христианской. В этом она превзошла свою предшественницу.

² Однако, как мы помним, христиане были уже в дружине князя Игоря: это они во время подписания договора с греками в 945 г. клялись соборной церковью пророка Илии.

человеци прославляют, видяще *ляжащую в теле на многа лета*». Таким образом, наметилась одна из важнейших характеристик христианского праведника — после смерти мощи его остаются нетленными, что является признаком его посмертной жизни в преображенном состоянии [2, с.46–57]³.

Другой важной характеристикой праведника, удостоившегося «Царствия небесного», становится приобретение им посреднических, защитных функций мира земного перед миром небесным: «Сию бо хвалят руские сынове аки началницу: ибо *по смерти моляше Бога за Русь*». Так развивалось представление о возможности заступительной молитвы, обращенной к Богу через его «угодников», земных людей, заслуживших своим житием спасения после смерти. Ольга, пребывая после смерти на небе, может молиться за людей — так устанавливается через «угодников божиих» неразрывная связь между жизнью и смертью, небом и землей; жизнь и смерть теряют оппозицию, становятся продолжением друг друга. Святые, следовательно, не уходят из земной жизни, а участвуют в ней и могут влиять на нее.

Преемником Ольги стал ее внук, киевский князь Владимир Святославич. Рассказ о его жизни сохранил для нас противоречивый характер князя и отнюдь не безгрешные поступки: Владимир любил пиры, войны, насилие, блуд, поклонялся кумирам. Однако контрастом к такому образу жизни стало крещение князя и, более того, введение им христианства как государственной религии (в 988 г.)⁴. Возможно, в этом резком противопоставлении греховного прошлого и праведного настоящего намечен еще один путь к спасению — через отказ от языческого прошлого и начало нового отсчета жизненного цикла, праведной жизни. Происходило это так.

В 983 г. Владимир после успешного похода на ятвягов решил в благодарность за победу принести в Киеве человеческие жертвы своим языческим кумирам⁵. Выбор пал на сына одного варяга-христианина, пришедшего когда-то из Греции и осевшего в Киеве. Был юноша, сын варяга, невинен, «красенъ лицемъ и душою; на сего *паде жребий по зависти дьяволи*», поскольку, как объяснил летописец, дьявол не мог стерпеть, что власть его распространяется не на всех людей — христиане не подвластны ему. Поэтому была варяжская семья для дьявола «аки тернъ въ сердци», «и наусту люди» на сына варяжского в отместку за непокорность дьяволу. Когда киевляне пришли за юношей, чтобы убить его в жертву богам, варяг-отец посмеялся над киевлянами и их кумирами: «Не суть то бози, но древо; днесъ есть, а утро изъгнеетъ; не ядять бо, ни пьют, ни молвят, но суть делани руками в дереве. А Богъ есть единъ... иже створилъ небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и даль есть ему жити на земли. А си бози что сделаша? Сами делани суть». За такую смелость в высказываниях и поплатился варяг собственной жизнью и жизнью сына: киевляне убили их, «и не свестъ никтоже, где положиша я». Такой жестокий поступок людей летописец простодушно объяснил: «Бяху бо тогда человеци неведомоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему». Но самому летописцу уже известно, что скоро радостям дьявола придет конец: Русь будет крещена, а дьявол и «не ведый, яко близъ погибель». Варяги приняли мученическую смерть как первые христиане — за веру, не даром они пришли на Русь «изъ Грекъ», где этот подвиг за Христа (как символ повторения крестной жертвы) был особенно почитен⁶.

⁴ Летописный рассказ о Владимире, вероятно, составлен из нескольких источников и содержит такие стилистико-смысловые блоки, как повествование о жизни Владимира до крещения, рассказ о языческой реформе и варягах-мучениках, «Испытание вер», «Речь философа», «Корсунская легенда». Все эти условно выделяемые части когда-то были объединены компилятором, которому не удалось сгладить некоторые противоречия и повторы внутри них.

⁵ Подобной жестокости не было в славянском язычестве ранее, человеческое жертвоприношение многие ученые связывают с языческой реформой князя Владимира и воздвижением пантеона кумиров, главного из которых, Перуна, считают заимствованным у балтийских славян.

⁶ Варяги-мученики могли стать первыми христианскими святыми на Руси, но почитание их было заслонено культом князей-мучеников Бориса и Глеба, сыновей Владимира, по легенде пострадавших от руки своего властолюбивого брата Святополка; они в итоге и стали первыми русскими святыми (в XI в.).

Таков был Владимир до крещения. К 986 году князю Владимиру пришлось задуматься о дальнейшей международной политике и религии своего государства — Киевской Руси, вовлеченной к тому моменту в перспективные контакты, военные, торговые, матримониальные, с многими странами Востока и Запада. Русь атакуют миссионеры: болгары магометанской веры, немцы из Рима, хазарские евреи, и каждый нахваливает свою веру. Но лишь греки поступили мудро, они прислали к Владимиру Философа, который мог бы удовлетворить любопытство языческого князя и одновременно увлечь и напугать его. Следовало изложить суть христианства как смысл человеческого бытия⁷.

Тема Страшного Суда, затронутая в беседе киевского князя Владимира с греческим философом-христианином, внезапно оказалась одной из решающих для последующих действий русского князя. Страх перед вечными муками, уготованными язычникам после смерти, впечатлил Владимира так же сильно, как затем потрясет красота церковной службы в греческих храмах его послов. Ужас нескончаемых мук за мирские наслаждения и подтолкнул в итоге Владимира к выбору христианства. В знаменитой «Речи философа» оппозиции «язычник — крещеный» дается шанс на разрешение через выбор: «адские муки – царствие небесное». Философ рассказывает Владимиру библейскую историю о сотворении мира, грехопадении Адама и Евы, наказании за их грех всего человечества; затем евангельскую — о воплощении Христа и спасении человечества через крестную жертву «сына Божьего». Главное же, на что упирает философ, — человеку придется в будущем отвечать за свои земные дела, спасутся не все, а лишь добродетельные христиане: «...Поставилъ же есть Богъ единъ день, в не же хочеть судити, пришедъ с небесе, живымъ и мертвымъ, и въздати комуждо по деломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченну, веселье бес конца, и не умирати въ веки; грешникомъ мука огнена, и червь неусыпаяй, и муце не будет конца. Сица же будутъ мученья, иже не веруетъ къ Богу нашему Иисусу Христу: мучими будут в огни, иже ся не крестить». И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бе написано судище Господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предъидуца в рай, а о шююю грешники идуца в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: «Добро симъ о десную, горе же симъ о шююю». Он же рече: «Аще хочещи о десную съ праведными стати, то крестися» [5, с. 120].

Владимир оказался язычником-скептиком, хоть и «положи на сердци своемъ» слова греческого философа, но все-таки решил подождать «еще мало, хотя испытати о всех верахъ». Он посылает своих бояр в Болгарию, испытать мусульманскую веру, затем к немцам, посмотреть на «латинские» обряды, и, наконец, в византийский Царьград, побывать на службе в греческом храме. Вернувшиеся послы доложили князю, что только в греческом храме они «во изуменьи бывше» от красоты храмового убранства и церковного пения, «не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли», и нет слов, выразить свои чувства, «токмо то вемы, яко онъде Богъ с человеки пребываетъ». Да и можно ли отказаться от греческой веры, «всякъ бо человекъ, аще вкусить сладка, последи горести не принимаетъ!» «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бе мудрейши всех человекъ».

Однако язычнику трудно принять решение, даже при таких веских аргументах. Поэтому в «Повести временных лет» приводится и третий рассказ о желании Владимира креститься — так называемая «Корсунская легенда». Владимир взял в плен греческий город Корсунь и решил жениться на сестре греческих царей Василия и Константина Анне. Но Анна была христианкой и не захотела идти за Владимира, потому что «не достойтъ хрестеянномъ за поганья даяти». И еще

⁷ Знаменитая «Речь философа», по признанию многих исследователей, может быть отнесена к IX веку, а сохранившиеся в ней элементы моравского и болгарского языка указывают на ее происхождение в пределах Великой Моравии кирилло-мефодиевского периода. Кроме того, в изложении основных разногласий между западной и восточной церквями философ указывает лишь «опресноки», применяемые на западе во время причастия, но обходит стороной вопрос о исхождении Святого Духа (о «филиокве», ставший причиной раскола церквей на западную и восточную в 1054 г.), что также может указывать на раннее происхождение текста. Но тут вопрос еще не решен окончательно.

передали греческие цари Владимиру: «Аще ся крестиши, то и се получиши, и *царство небесное приимеши*, и с нами единоверникъ будеши». Как видим, в данной ситуации выбора у Владимира было не много — да и выигрывал он втройне: «любовь», «царство небесное» и союз с Византией. Было и чудо, так необходимое для окончательного принятия решения. «По Божью же устрою, в се время разболеся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми». Невеста, греческая царевна Анна, сообщила ему: «Аще хочещи избыти болезни сея, то въскоре крестися». Владимир крестился в корсунской церкви святого Василия и получил крестильное имя Василий. Следом за князем «се же видевшие дружина его, мнози крестишася». Прозрение физическое, очевидно, по мнению летописца, усилило значимость прозрения духовного.

Вместе с Владимиром в Киев пришли греческие священнослужители (среди них — знаменитый Анастас, помощник князя во взятии корсунской крепости и первый настоятель Десятинной церкви во имя Успения Богородицы в Киеве), были принесены церковные книги и утварь. Перун — брошен в Днепр, а дьявол — «стения глаголаше: “Увы мне, яко отсюда прогоним есмь!”». Язычество оказывается прибежищем сатаны, а крещение изгоняет его. На месте, где стояли кумиры, Владимир «постави церковь святаго Василья на холме». В 989 году закладывает церковь Богородицы (Десятинную) «пославъ приведе мастера от Грекъ» и «украси ю иконами».

После крещения греческие учителя наставляли Владимира в христианской вере через толкование «церковная преданья» — Символа веры⁸ и истории Вселенских соборов. Рассказывающая об этом летописная статья под 988 г. включает в себя фрагменты греческого «Чина православия» с изложением истории соборов и принятой на них анафеме еретиков: «Верую же и седму сборъ святыхъ отецъ, иже есть первый въ Никии 300 и 18, иже прокляша Арья, и проповедаша веру непорочну и праву. Второй сборъ в Константинеграде святыхъ отецъ 100 и 50, иже прокляша Макидонья духоборьца и проповедаша Троицю Единосущну. Третий же сборъ въ Ефесе святыхъ отецъ 200 на Несторья, его же прокленше, проповедаша Святую Богородицю. Четвертый сборъ въ Халкидоне святыхъ отецъ 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, ею же прокляша святии отци, исыгласивше свершена Бога и свершена человека Господа нашего Иисуса Христа. 5-й сборъ во Цареграде святыхъ отецъ 100 и 60 и 5 на Оригенова преданья и на Евагрия, их же прокляша святии отци. 6-й сборъ во Цариграде святыхъ отецъ 100 и 70 на Сергия и Кура, ихъ же прокляша святии отци. 7-й сборъ в Никии святыхъ отецъ 300 и 50, прокляша, иже ся не поклонят иконамъ» [5, с. 128]. Летописец, вставивший в «Повесть временных лет» этот сложный догматический фрагмент, несомненно, был глубоким знатоком христианской истории и философии.

Главное же следствие принятия христианства Русью состоит, по мнению летописца, в приобщении к мировой истории: воплотившийся в человеческом теле Иисус «смерти вкуси безъгрешный, въскресь въ своей плоти, не видевши истленья на небеса взиде, и седе одесную Отца, придеть же паки съ славою *судити живымъ и мертвым*; якоже взиде съ своею... плотью, тако сидеть...». Владимиру и всем последующим князьям-правителям можно было «очиститься» и спастись от мучений в будущей жизни. Однако, заметим, что наследники Владимира не спешили с его причислением к лику святых, несмотря на все его заслуги во второй половине земного жития⁹. Слишком много сил отнимала у сынов и внуков Владимира борьба за наследство и княжескую власть.

⁸ Исследователи усматривают в тексте Символа веры, приведенного в «Повести временных лет», арианский еретический уклон: Бог-Отец «старей сын Сыну и Духови», т.е. главнее Сына и Духа, а Сын назван «подобень сущень Отцю родом», а не единосущен, как в ортодоксальном тексте. О. В. Творогов, вслед за Д. С. Лихачевым, допускает в этом месте неточности перевода с греческого на славянский язык [6, с. 504].

⁹ Владимир ум. 15 июля 1015 г., но празднование памяти ему было установлено ок. середины XIII в., и не в Киеве, а скорее всего, в Новгороде, поскольку 15 июля новгородцы под предводительством Александра Невского в 1240 г. одержали знаменитую победу над шведами в устье р. Ижоры [1, с. 63–64].

Сын Владимира великий князь Ярослав Мудрый способствовал распространению христианства на Руси, «при семь нача вера хрестьяньска плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти». Главное же — Ярослав «книгамъ прилежа», читал их днем и ночью, и «собра писце многы и прекладаше от грекъ на словенское писмо. И списаша книги многы, ими же поучащеся вернии людье наслажаются ученья божественаго»¹⁰. Поэтому мотив возможного спасения язычников через крещение многократно усиливается все возрастающим привлечением высказываний из святоотеческой литературы: ««...Възвестите во языцех славу его, въ всех людехъ чудеса его, яко велий Господь и хваленъ зело», «И величью его несть конца». Колика ти радость! не единъ, ни два спасается... но бесчисленное множество к Богу приступиша, святымъ крещеньемъ просвещени»¹¹.

Литература

1. *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1902
2. *Живов В. М.* Мощи // Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 46–57
3. *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.
4. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970.
5. ПЛДР: XI – начало XII века. С. 82.
6. *Творогов О. В.* «Повесть временных лет»: Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 504.
7. Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.

Christianization of Rus' and the eschatological concept of orthodoxy from Prince Vladimir to the present day

¹⁰ «Повесть временных лет» содержит блестящий образец книжной риторики – «Похвалу учению книжному»: «Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаемъ и въздержанье». Из книг человек может узнать о путях своего спасения, они утешают в печали и помогают в испытаниях: «мои съвети, моя мудрость, мое утверженье, моя крепость».

¹¹ Там же. С. 134.

Дергачева И.В.
Крещение Руси и эсхатологические концепции
православия: от равноапостольного князя Владимира
до наших дней
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 4. С. 14–21.
doi: 10.17759/langt.2015020402

Dergacheva I.V.
Christianization of Rus' and the
eschatological concept of orthodoxy from
Prince Vladimir to the present day
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 4, pp. 14–21.
doi: 10.17759/langt.2015020402

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, *krugh@yandex.ru*

The article describes the eschatological ideas of ancient Rus' and shows how the theme of the Last Judgment, which was raised in the interview of Prince Vladimir of Kiev with the Greek philosopher. This theme was decisive for the acceptance of the Christian faith.

Key Words: eschatology, written records, Old Books, the Last Judgment, Old Synodicon.

References

1. *Golubinsky E.* History of the Causes of Saints in the Russian Church. M., 1902
2. Zhivov VM relics // Holiness: Concise Dictionary hagiographic terms. M., 1994. S. 46-57
3. *Konyavska E.L.* copyright consciousness of ancient scribe (XI - the middle of the XV century.). Moscow, 2000.
4. *Likhachev D.S.* The man in the literature of ancient Russia. 2nd ed. M., 1970.
5. PLDR: XI - beginning of XII century. S. 82.
6. *Tvorogov O.V.* "Tale of Bygone Years": Comments // library literature of ancient Russia. Volume 1: XI-XII centuries. SPb., 1997. S. 504.
7. Christian: Collegiate Dictionary. T. 1. M., 1993.